

Беседа была явно без никакого импульса. Юна думала, что это естественно, потому что этот человек ненавидел ее, но всё ещё была вещь, которую она не могла понять. Этой вещью была связь между ними. Линус сказал, что они, двое, помолвлены. Но как бы она ни смотрела на него, делал такой вид, как будто он был её вассалом. Она не могла даже и подумать о том, что они в будущем будут супружеской парой.

«Я вижу, что ты тоже одна. Что-то случилось с твоими служанками?»

В глазах Асьюта пронеслось мимолетное обвинение. И Юна, которая не привыкла к такому взгляду, вздрогнула.

Более того, она не могла сказать ему, что она заставила своих горничных оставить её наедине.

«Пожалуйста, перестань действовать как тебе надобно и будь осторожна со своим здоровьем».

Судя по всему, он не ждал никакого ответа на свой вопрос, поэтому без минуты остановки продолжал говорить. Несмотря на то, что он был безразличен к ней, все, что он делал - ругал Селию. Юна вдруг рассердилась.

"Спасибо за твою заботу!"

Сказав это, Юна прошла мимо Асьюта. Если бы их разговор шёл дольше, чем сейчас, единственное что бы они делали - просто увеличивали бы взаимную ненависть друг к другу. Ей нужно было как можно уйти чтобы этого не произошло.

Однако неожиданно Асьют схватил Юну, которая уходила, за руку.

«Леди Целиастина».

Что? Единственное что она сделала это - повернула голову, чтобы взглянуть на него.

«Могу ли я кое-что спросить?»

"И что же ты хочешь спросить?"

«Вчера... Что-то случилось?»

Вчера. Несмотря на то, что он всё же спросил про это, она не знала ничего, кроме того, что произошло на ручейке.

«Я почувствовал, что с тобой что-то не так, со вчерашнего утра. Однако, ничего не сказав, ты ушла одна. В лес. Что там произошло? После того, как я нашел тебя в реке, это чувство дискомфорта еще больше увеличилось».

«Э-это ...»

Она явно была взволнована. Асьют слегка прищурил глаза и полностью осмотрел Юну.

Похоже, он ждал продолжения после: «Э-это ...».

«Я не особо помню ... о чём я думала ... в то утро».

Юна нервно произнесла эти слова. Похоже, его не удовлетворил этот ответ. На мгновение у Асьюта появилось выражение удивления, прежде чем он посмотрел на Юну.

"О чем ты говоришь..."

«Я ничего не помню. Не себя. Не тебя. Ничего о себе. Возможно, что я потеряла свои воспоминания.»

Увидев изменения в лице Асьюта, Юна начала торопливо разговаривать дальше.

«Единственное что я помню, это то, что я очнулась в том самом утесе. Я абсолютно ничего помню о том, что я делаладо текущего момента, и о том, кем я являюсь. Я обсуждала это с Линусом, но он сказал, что потеря памяти не будет приветствоваться, и поэтому я должна была сделать все возможное, чтобы никому не этого не говорить ... Я рассказала тебе, потому что я верю, что ты не оставишь это просто так».

«Честно сказать, тебе удалось придумать еще одну злобную муку».

«Это не мучение! Честно говоря, я еле прожила тот самый день. Ты знаешь, как я была бы рада, если бы мне сказали, что это просто шутка ...»

«Меня это ни капли не волнует».

Асьютсказал эти слова прямо. У него был холодный взгляд. И то, как он смотрел на Юну, выглядело так, будто он пронзает её этим самым взглядом.

«Если ты говоришь, что забыла всё, то единственное чего я хочу, так это то, чтобы ты как можно быстрее всё это вспомнила. Ты думаешь, что слова "об утрате памяти" решат все проблемы, которые произошли до этого момента? Даже если так и будет, оно явно не коснётся меня. Если ты ожидаешь, что я буду добр и внимателен к тебе, можешь уже хоронить эти ожидания».

«Чтгтгооо»

После этих зверских слов Юна ощутила, как она быстро побледнела. То есть, то что она потеряла память — это не важно? Она глубоко ошибалась, думая, что он будет относиться к ней любезно? - Эти слова - не переборщил ли он с ними?

«Как ты вообще можешь говорить такие слова? Разве не ты попросил меня рассказать, что произошло? И после этого, ты смотришь на меня с презрением? Если бы ты молчал, и ничего бы не спрашивал, я ничего про потерю памяти не сказала бы.»

«Потому что ты слишком безответственная».

«Ты говоришь, что я небрежна потому что пошла в лес одна, поскользнулась и упала в речку? Если так и есть, тогда возможно ты прав, но говорить такие ужасные слова из-за такого ...!»

«Ты ошибаешься».

Асьют прервал слова Юны и покачал головой.

«Все твои деяния до этого момента... Их нельзя обратить в ничего. Я тебя никогда не прощу. На этом всё.»

Казалось, что её голова была пробита насквозь, как только его слова ударили ей в голову. Эта жгучая боль перетекла во внутренний угол ее глаз, стоило ей моргнуть.

«Кроме того, леди Целиастина, пожалуйста, не разговаривайте со мной на “вежливом языке”. Ты – человек, которая стоит выше всех. Тебе не стоит относиться со мной так же хорошо, как и с вассалами.»

Юна посмотрела на Асьюта.

«Линус сказал то же самое. Но Линус рассмеялся, когда сказал, что страшно было слушать вежливые слова из моих уст. Но ты ... ты ведь не такой же, как и он, не так ли. Ты не видишь во мне ничего, кроме того, что я являюсь красивым посланником бога. Ты думаешь, что достаточного того, что я жива, и хожу здесь.»

«.....»

«Ты ... меня ненавидишь, так?».

Невозмутимый взгляд Асьюта который, казалось бы, говорил: “И ты только это поняла?”, каждый раз, когда Юна ловила его взгляд.

~~~

Её сердце ужасно болело.

Каждый раз, когда она вспоминала этот инцидент, ей казалось, что кто-то сжимает ей грудь.

Юна рухнула на кровать и лежала в обнимке со своим дрожащим телом. Горничные принесли обед, но у нее не было аппетита. Даже тёплый пар, исходящий из блюд, был ничем иным, как беспокойством Юны прямо сейчас.

Мощные глаза Асьюта. Его сильный голос. Когда она впервые встретила с ним, она вспомнила, что она влюбилась в них. Но теперь это было тщетно. То, что произошло возле реки, никогда не повторится. Его голос, как и его глаза больше никогда не окутают её в страсти. Кроме того, в тот момент единственным важным для него было то, жива ли “святая” или мертва. Конечно же, у неё не было не единого намёка. Да и откуда могут быть намёки у девушки, которая внезапно проснулась в лесу, где никого нет. Почему он так сильно ненавидел святую? Он даже заявил, что не простит все дела, которые были сделаны ею сделаны до текущего момента. Что именно сделалаЦелиастина? Может быть она сделала что-то, но не с ним? Неужели она совершила настолько непростительную глупость по отношению ко всем людям, которые её окружали?

(Возможно, так оно и есть.)

То, что люди её боятся – совсем не нормально. Стали бы они выражать эти страхи если бы святая была более или менее раздражающей и эгоистичной? Разве у них не было бы отвратительных выражений, когда они думали бы – а, опять та неприятная девушка. Тем не менее, единственное что они выражали, это был оттенок страха.

(Может стоит спросить Линуса?)

И тогда он бы рассказал ей подробно о том, как действовалаЦелиастина всё это время. Но опять же, он ничего не сказал о вражде между Целиастиной и Асьютом.

(Что же мне делать?)

Ахххх, сделав глубокий вздох, Юна покружилась в постели. В её большой комнате, полной тишины, ее вздох раздался ужасно.

Была ещё одна вещь, которая была ей интересна. Не так давно она чувствовала некоторые чувства, которые заполняли её сердце. Гнев, ненависть и --- грусть. Что, прямо сейчас, хорошо отражало ее нынешние чувства. Однако, было ясно, что эти чувства были «чужими».

(Вы... тут?)

В её сердце...? - тихо спросила Юна.

Она ощутила их несколько раз со вчерашнего дня; это ощущение, будто чувства другого человека разъедают сердце Юны. Чувства кого-то другого. Этим человеком мог быть только одна персона.

Целиастина.

Юна попробовала назвать это имя, не говоря его вслух. Ответа не было. Однако Юна была уверена в этом. Она не могла объяснить почему так, но у неё была определённая уверенность в этом.

Целиастина.

И снова она позвала её.

Ты же сейчас грустишь, не так ли.

Юна попробовала закрыть глаза, но никто ей не ответил, ни чувствами, ни словами. Вместо этого она услышала какие-то шумы, которые приближались. Этот шум был похож на шаги людей. Несколько людей. В то же время, вместе с шагами, раздавались напряженные голоса людей.

(..... Что за?)

Подозревая что идут к ней, Юна села в постели. Шаги, которые, по её мнению, должны были пройти мимо, остановились перед дверью в её комнату. Кто-то крикнул, и постучал в дверь.

"Кто это?"

Испуганным голосом ответила Юна и тут же голоса снаружи внезапно утихли. Даже через дверь она слышала, как у кого-то перехватывает дыхание. Вскоре она услышала голос молодого человека, который сказал: «Прошу простить» и силой открыл дверь.

Человек, который вошел, был молодым парнем, который был примерно её ровесником. Со светлыми волосами и голубыми глазами. Стоило ему зайти в комнату, и комната сразу же запахла аристократией, но, по внешнему виду, она думала, что он не особо важный человек в обществе. Человек сосредоточился на Юне выражением человека, которому в скором времени светит конец. За ним стояли солдаты, которые судя по всему были его товарищами, и было несколько девиц, которые не зашли в комнату, а стояли возле двери. Юна была полностью сбита с толку, но было отчетливо понятно, что они не будут делать ничего, кроме того, как стоять и смотреть.

«Прошу простить моё внезапное появление в такое позднее время».

Молодой человек сказал это мужественным голосом, хоть и у него на лбу были капли пота от волнения.

«Меня зовут ЭнейДелрей. У меня есть просьба расспросить вас, леди Целиастина. Я признаю свою грубость.»

Эней, один из солдат, стоявших прямо у двери, пробормотал это голосом, наполненным осуждением. Похоже, они сделали все возможное, чтобы остановить этого молодого человека. Но так как у них не получилось это сделать, они стояли в состоянии полной потери.

«Расспросить меня?»

Юна также была озадачена. В течение всего этого дня не было ни одного человека, который разговаривал бы с ней в такой манере. Вероятно, была какая-то явно ненормальная причина.

"Да."

Эней громко глотнул.

«Речь идет о Нейсане».

«... Нейсан?»

«Возможно, леди Целиастина этого не помнит. Речь идет о солдате, который ранее действовал нечестиво по отношению к леди Целиастине и был отправлен в Святую тюрьму».

Святая тюрьма? Это были слова, о которых она никогда не слышала раньше. Юна нахмурила брови, задаваясь вопросом, "что такое Святая Тюрьма", но её выражение лица, должно быть, вызвало недовольство Энея. Слабый пот на лбу стал каплей, которая скользнула по его щеке. Но он даже не отвлекся на это.

«Поскольку вы, мудрая леди Целиастина, ужескорее всего знаете, что я собираюсь у вас просить, но позвольте мне сказать: пожалуйста, прошу вас, даруйте Нейсану ваше прощение. Пожалуйста, позволь мне освободить его из темницы!»

"Темницы...?"

Юна смутно начала понимать ситуацию. И, в то же время, она почувствовала холод в своих пальцах.

«Леди Целиастина, я обращался к вам раньше, чтобы вы даровали прощение Нейсану. Вы сказали мне, что, если он сможет выдержать в Святой тюрьме три месяца, вы помилите его. Прошло уже четыре месяца с тех пор, как Нейсана заперли в Святой Тюрьме. Он выдержал. Пожалуйста, теперь же, помилите его, и даруйте ему своё прощение».

Сказав это, Эней опустил взгляд на землю.

Вдруг холодок от ее пальцев поднялся прямиком по ее спине. Его слова были слишком шокирующими. Чем больше она задумывалась о его словах, тем больше они начали отчетливо напоминать о беспощадном обращении, которыми занималась прошлая Целиастина, - и тут ее зрение стало белым. Не может быть. Ни за что. Проступок, в котором виновата Целиастина, затмило её воображение.

«Я ... приказала... Нейсана перевести в подземелье, так?».

Юна сказала это хриплым голосом; ей нужно было подтверждение этого действия.

Эней поднял взгляд и слабо кивнул.

Это случилось четыре месяца назад. Кроме того, обещанный период в три месяца прошел, а это означало, что Нейсан до сих пор сидит там, где он был.

«Нейсан ... что он сделал? Ты знаешь?»

"Да, он..."

"Можешь сказать мне, что он сделал?"

«... Четыре месяца назад я и Нейсан получили приказы охранять леди Целиастину, поэтому мы пришли, чтобы поприветствовать нашу леди. Тогда, госпожа Целиастина, вы, я ... позвали меня по особенному.»

<http://tl.rulate.ru/book/13336/270820>